

ТАТЬЯНА УСТИНОВА
РЕКОМЕНДУЕТ

Екатерина
Островская

БАБОЧКА,
ВЫКОВАННАЯ
ИЗ СТАЛИ

Екатерина Николаевна Островская

Бабочка, выкованная из стали

Серия «Татьяна Устинова рекомендует»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70360771

Бабочка, выкованная из стали : [роман] / Екатерина Островская:

Эксмо; Москва; 2024

ISBN 978-5-04-200020-1

Аннотация

По просьбе девушки, которая ему очень нравится, лучший сыщик Санкт-Петербурга подполковник Гончаров разбирается в странной истории с задержанием ее отчима. Уважаемого человека, доктора наук, бывшего ректора престижного вуза почти год держат в камере. Основанием для задержания стали показания ректора провинциального филиала, пойманной на взятках и растрате. И заявление этой дамы, и сама ее личность вызывают у опытного сыщика сомнения, которые он пытается развеять или подтвердить. А в результате сам оказывается в большой беде...

Татьяна Устинова рекомендует: «Островская играет жизнями, тасует героев, заставляет их совершать неожиданные и странные поступки, а читателя – с замиранием сердца следить за ними и гадать: сработает, не сработает, выберутся, не выберутся!.. Сюжет то и дело поворачивает в какую-то другую сторону и на полной

скорости несется дальше. Это почти невозможно, но ей удастся удержаться на этих виражах!.. И очень хочется, чтобы у героев все получилось!.. И финал! Он всегда феерический, во всех отношениях».

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	25
Глава третья	63
Глава четвертая	79
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Екатерина Островская Бабочка,

ВЫКОВАННАЯ ИЗ СТАЛИ

© Островская Е., 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Редактор серии А. Антонова

Оформление серии С. Курбатова

* * *

Глава первая

Гончаров открыл глаза, даже постарался сделать это осторожно, чтобы не разбудить жену, медленно перевернулся на бок, начал подниматься в постели, спустил ноги на пол. На часы можно не смотреть – сейчас ровно семь: он уже много лет просыпался в одно и то же время, во сколько бы ни ложился накануне. Все идет согласно установленной за годы семейной жизни программе: сейчас он выведет погулять Баксика – это полчаса, потом еще столько же – мытье, бритье, приготовление завтрака – и уже восемь, потом...

Игорь хотел позвать собаку, но вдруг вспомнил, что Баксика в доме нет, как и жены... Вот уже месяц, как он – свободный человек. Свободный... Гончаров мотнул головой, вытряхивая из себя остатки сна, похлопал ладонями по щекам и наконец проснулся окончательно...

А ведь сон был замечательный. Будто он – еще совсем юный выпускник морской академии и служит на контейнеровозе «Механик Гаврилов», который направляется, как всегда, в Сингапур. Игорь, восторженный, ждущий перемен, стоит на ходовом мостике, на крыше рулевой рубки, и восхищается сверкающим под экваториальным солнцем океаном.

– Красота, – произносит старпом Лещенко и как будто только сейчас замечает рядом с собой молодого штурмана. – А ты, мил друг, слетай в радиорубку и проверь, послал ли

радист шифровку на предмет нашей встречи с американским фрегатом¹. – Старпом изучающе посмотрел на Гончарова и спросил негромко: – Ты что, нажрался вчера на берегу: уж больно вид у тебя странный? Название нашего судна помнишь? «Секрет»².

Игорь посмотрел на океан, поднял голову и, увидев над собой набитые ветром алые паруса, удивился подобному обстоятельству... Осторожно открыл глаза и тогда обнаружил себя в своей пустой квартирке, за окнами которой накрапывал дождь.

У входа в здание РУВД курил дежурный по управлению майор Мелешкин.

– Сейчас меняюсь, – доложил он, устало вздохнул и вспомнил: – Вчера включил телевизор, а там тебя Паша Ипатьев³ нахваливает, мол, лучший специалист в городе по раскрытию особо опасных. Во как нам повезло работать с тобой! Тебя, кстати, Жаворонков ждет. Сказал мне, как увидишь лучшего специалиста, скажи, чтобы сразу ко мне поднимался.

В приемной начальника ГУВД стоял запах заваренного

---

¹ На торговом флоте положено сообщать о встрече в море с военными кораблями вероятного противника.

² Название корабля капитана Грея. Александр Грин «Алые паруса».

³ Екатерина Островская. «Окрой глаза, Фемида» и «Все, что вы хотели знать о смерти».

кофе.

Из кабинета Жаворонкова выскользнула с пустым подносом секретарша. Увидела Гончарова и улыбнулась ему:

– Вам приготовить?

– Да я вроде как дома попил.

– Что вы там пили? Растворимый? А здесь из кофемашины, которую мы Алексею Ивановичу на пятидесятилетие дарили. – Она улыбнулась еще раз: – А вас вчера по телевизору показывали. Смотрели? Жена, небось, радовалась, что про вас Ипатьев такое говорит... Это ж такая слава!

– Верочка, – не выдержал Игорь, – вы ведь знаете, что жена от меня сбежала, прихватив свою собачку, наши скудные накопления и мою веру в людей...

Жаворонков пил кофе и рассматривал что-то на экране компьютера.

– Новости смотрю в интернете, – сообщил он, увидев Гончарова, и сменил картинку. – И самая главная радостная новость для всех нас – прямо событие дня: американская актриса Двинет Поллитроу снялась топлес. Ей лет-то уже сколько, а все туда же. Но у нее все равно ничего не видно. Вот у меня соседка по площадке такого же возраста, а когда в лифт заходит, места для других людей уже не остается... Да-а! Ты вчера телевизор смотрел?

– Нет. Я на выезде был.

– Ну да, – вспомнил начальник РУВД, – но там вроде был не криминальный труп. В смысле ненасильственная смерть

– передозировка. Мне так доложили.

– Мне то же самое сказали. Но на месте выяснилось, что жертва употребляла наркотики, а ее сожитель – нет... У сожителя незаконченное высшее... Учился на химика, но стал мне врать, что на философском. Но не вспомнил фамилию декана философского, не смог назвать кафедру, на которой учился... После вторичного осмотра трупа девушки я вызвал спецов из наркоконтроля – вместе и дожали этого урода. Он, как выяснилось, наладил производство какой-то дряни на основе соли гамма-оксимасляной кислоты.

– Бутират, – подтвердил Жаворонков, – самая опасная дрянь: разница между сравнительно безопасной и смертельной дозой чрезвычайна мала.

– А свою подружку он решил использовать как подопытного кролика. Короче, пока я его ломал, спецы из наркоконтроля с собакой проехали по местам, где бывший студент чаще всего находился... По билингу определили точки, откуда он чаще всего выходил на связь. Нашли подвальчик, который этот гад арендовал, – там прежде сапожная мастерская была. Наш умелец оборудовал вытяжку, но все равно там вчера такой дух стоял, что... Короче, я нанюхался так, что мне всю ночь море снилось.

– Раскрытие убийства на кого записали?

– На них, разумеется, ведь это их тема.

– Добрый ты, – усмехнулся полковник, – сам себя премии лишил.

– Да когда мне эту премию давали, – отмахнулся Гончаров.

Вошла секретарша с подносом с одинокой чашкой кофе. Она поставила чашку на стол и посмотрела на начальника убойного отдела:

– Может, еще чего желаете?

– Столько заманчивых предложений с самого утра, – вздохнул Игорь, – столько, что я даже не знаю, разрешит ли начальство.

– Разрешит, – уверенно произнес начальник РУВД, – тем более что у тебя есть хороший повод. Так что по полтинничку мы с тобой хряпнем за этот самый отличный повод. Я даже не про то, что наша телезвезда вчера сказала... то есть сказал, что ты лучший по раскрытию особо опасных преступлений. Просто вчера мне даже домой позвонили из кадров и сообщили, что приказ, который, образно выражаясь, положили под сукно, наконец-то оттуда достали.

– Какой приказ? – удивился Игорь. – Мне и в самом деле премию выписали?

– Даже лучше. Я же говорил, что тебя назначили моим заместителем по уголовному розыску, но потом это вроде как похерили... А теперь вот...

Начальник РУВД посмотрел на дверь, удостоверившись, что секретарша вышла, наклонился и достал из стола начатую бутылку коньяка и два бокальчика. Наполнил их и объяснил, почему он предложил выпить с утра:

– А подполковника тебе присвоили – помнишь? Так что прикручивай звездочку и завтра в парадной форме приходи на службу. С утра в Ленинской комнате устроим... Тьфу, я все по-старому. Завтра утром в комнате отдыха личного состава устроим большой сбор, и я представлю коллективу своего нового зама.

– А чего меня представлять? Я уже семнадцать лет здесь.

Они выпили коньяк. Начальник залпом, ничем не закусывая. Игорь едва пригубил горячий кофе.

Полковник Жаворонков посмотрел на дверь, проверяя насколько плотно она закрыта, но все равно перешел на шепот:

– Жена так и не проявилась?

Гончаров пожал плечами.

– Ты хоть пытался ее найти? – продолжал шептать начальник РУВД. – Мой совет: подумай лучше, если у вас... то есть у тебя с ней все, то, может, другую найдешь? Хотя чего искать и далеко ходить? Вот у меня соседка. Ну, я уже говорил сегодня, – Жаворонков оглянулся на дверь и руками изобразил перед своей грудью две полуокружности, – ... если не больше. Ее Лидия зовут, как вино. Вино такое есть, «Лидия»... хотя это раньше такое вино было. Сейчас что-то давно его не видно. Так вот ей сорок где-то, но выглядит так, что всех этих американских Поллитроу за пояс заткнет. Тем более она тобой уже интересовалась. Я сегодня в лифт захожу утром... Слава богу, что я один, без жены был. Только вошел, хотел уже кнопку нажать, чтобы вниз ехать, и тут

она заходит... Да еще в декольте. Мы поехали вниз, я не дышу, стало быть, а она спрашивает: «Вчера журналист Ипатьев в своей программе показал очень симпатичного опера. Вы, случайно, его не знаете?» Ты понял, Игорь, какие люди тобой интересуются! Я сам хожу, смотрю на нее и облизываюсь. Но мне нельзя, потому что я женат. Я ей откровенно заявляю, что я не только хорошо знаю майора... прости, подполковника Гончарова, но и лично дружу с ним: вместе вот уже почти два десятилетия бок о бок с преступностью боремся. Она сразу как задышала, как прижала меня к стенке, что аж лифт затрясся... Но тут мы приехали. Но я успел пообещать познакомить ее с тобой. Так что ты не теряйся. Она одна живет, и у нее трехкомнатная машина... то есть квартира. А машина у нее «Пассат». Лидия работает в медицине на административной должности...

– Алексей Иванович, – так же шепотом произнес Гончаров, – а вы сколько сегодня коньяка уже выпили?

Начальник РУВД посмотрел на бутылку коньяка, в которой содержимого уже было меньше половины.

– Так вот это и выпил, – признался он, – но ты пойми, когда тебя утром вот так размазывают по стеночке лифта – без коньячка просто никак. Шучу, конечно. Хотя на самом деле граммов сто пятьдесят мне сегодня все-таки необходимы были. Мы с женой вчера к тестю на день рождения ходили. Семьдесят четыре года мужику исполнилось, а выпить он не дурак, и ведь как держит алкоголь – с ног его не свалить.

Я за двадцать семь лет знакомства пьяным тестя не видел никогда. Он офицером-артиллеристом был. Так такие вещи рассказывал! Говорил, что у них в пушке в тормозе отката и наката есть такая жидкость – «Стеол М». Там спирта всего двадцать процентов, остальное – глицерин и всякая муть. Но они как-то умудрялись выпаривать все лишнее и пить этот «Стеол». И это в Афганистане было, за который у него два ордена. А мы...

Жаворонков посмотрел на бутылку, вздохнул и убрал ее в стол. Взглянул на Гончарова:

– Ипатьев вчера объявил с экрана, что не понимает, как это у Гончарова так получается, чтобы самые хитро задуманные преступления распутывать. Если честно, то и я не понимаю. А сам-то что ответишь на такое вот всеобщее недоумение?

Игорь пожал плечами:

– И сам не знаю. Просто присматриваюсь к деталям. Вчера, когда на труп этой девушки приехал, увидел фотографию ее сожителя на стене. Там он с электрогитарой. Спрашиваю: «Где музыке учился? В консерватории?» Отвечает, что в универе... Я тогда начал задавать наводящие вопросы. Один, второй, третий. Потом вышел на лестничную площадку, в телефончик свой залез, нашел его страничку в соцсетях, а там сказано, что он учился на химфаке. После чего уже почти не сомневался... Вот так все просто.

– А убийство Звягинцева⁴ как раскрыл? Там ведь огромная премия обещана от ГУВД – за любое содействие следствию. И от семьи еще обещали – там, наверное, совсем невообразимая сумма, ведь он, как уверяет пресса, был миллиардером.

– Если премию дадут, в чем я глубоко сомневаюсь, то отдам в фонд помощи вдовам и сиротам погибших полицейских.

– Может, это и правильно, – согласился начальник РУВД, – я бы не решился на такое. Но я – человек женатый, супруга на новую шубу намекает в качестве подарка к серебряному юбилею свадьбы, а ты свободный мужик теперь, и шубы в твоём хозяйстве не нужны, так что можешь делать все что угодно. Но только не в ущерб здоровью и службе.

Гончаров даже не собирался сообщать начальству, что с ним уже связывались по поводу вознаграждения за раскрытие убийства Николая Петровича Звягинцева. Сначала позвонил некий человек, который представился адвокатом семьи. Но Игорь отказался с ним говорить, и тут же раздался новый звонок.

– Зря вы отказываетесь от разговора, – прозвучал в трубке мужской голос. – Я объявил награду тому, кто найдет убийцу моего тестя. Пять миллионов рублей ваши. И я готов заплатить еще один миллион, но не рублей, если имя моей жены

---

⁴ Екатерина Островская. «Все, что вы хотели знать о смерти».

не всплывет ни во время следствия, ни вообще никогда.

– Я не имею никакого отношения к следствию, – ответил Гончаров, – я только взял киллера и заказчика. А дальше уж со следственным комитетом разбирайтесь...

– А дальше уж моя забота, – сказал мужчина. – Я просто хочу, чтобы вы в другой раз ничего не говорили ни своему приятелю журналисту, ни вообще никому...

– Я подумаю, – пообещал Игорь.

– Думайте быстрее, – посоветовал мужчина, – а то я передумаю.

Звонивший не представился, но и так было понятно, кто это. Думать и в самом деле надо было побыстрее, но на всякий случай Игорь позвонил Ипатьеву и сообщил о звонке.

– Бери деньги, – посоветовал тот, – сам понимаешь, что Артем и без тебя все решит. Он теперь – член общественного совета при ГУВД. Раньше заместителем председателя совета был Николай Петрович, а после его убийства место перешло к Артему. Он же сам сказал, что тебе предлагает не гонорар за раскрытие преступления, а готов заплатить за молчание. А про меня он в любом случае знает, что трепать языком не буду. Бери деньги – не будь дураком.

И вот теперь Гончаров размышлял об этом и разных других вещах, о которых думают многие люди, имеющие претензии к собственной судьбе. Всю жизнь ему не хватало денег. Не хватало даже тогда, когда деньги появились у жены. У нее был свой парикмахерский салон, свои подруги, свои кли-

ентки и свои деньги. А у него были только друзья по службе, легкие выпивоны по пятницам и работа, не приносящая никаких особых доходов, кроме должностного оклада и мизерных премий. А еще были долги – небольшие, конечно, но все-таки. А теперь он может стать богатым и даже очень богатым человеком. Миллион рублей от ГУВД – это очень хорошая прибавка к жалованью. Потом еще пять миллионов от Звягинцевых, потом Артем Викторович от себя лично пообещал миллиончик, вероятно, долларов. Или евро? Денег будет столько, что можно не работать. Можно стать рантье, то есть жить на проценты. Можно стать еще кем-нибудь, но не станет. Потому что пока он будет жировать на курортах, его пацаны, которых он учил оперативно-разыскной работе, будут вкалывать без него и его советов. И все-таки если даже он согласится принять от зятя Звягинцева такие огромные капиталы, как посоветовал Паша Ипатьев, то не для себя лично, а для пользы дела – отдать деньги в фонд, который он организовал с ребятами из своего убойного отдела. Туда он отправил все обнаруженные им деньги, которые прятала банда Азамата Цагараева. Тогда он смотрел на пачки купюр спокойно, потому что изначально знал, что это не его деньги. А сейчас?

Сейчас у него новая должность и новый кабинет рядом с Жаворонковым, теперь у них общая приемная, и секретарша Вера станет готовить кофе на двоих. А дома всегда будет пусто, потому что не найдется времени на какие-то знакомства,

встречи, букеты, конфеты и прочие сопутствующие романтическим отношениям товары. Да и знакомиться ему негде: разве что на опознании, на очных ставках, со свидетелями или с понятыми. Но обычно девушки или молодые женщины не соглашались быть понятыми при обысках или досмотрах, тем более что надо присутствовать на месте преступления, где может находиться труп. Теперь отпадает и возможность знакомиться с девушками по утрам и вечерам, когда он гулял с Баксиком. Владельцы собак обычно выходили выгуливать питомцев в одно и то же время; все знали друг друга, здоровались и интересовались здоровьем своих хвостатых подопечных. Но все равно кучковались по интересам: мужчины ходили и обсуждали футбол, политику и кто сколько выпил накануне. Месяца два назад Гончаров познакомился с симпатичной и очень умной девушкой Леной, с которой было интересно говорить на разные темы, и они стали прогуливаться вместе. Тогда он не думал о том, чтобы познакомиться с ней поближе, потому что был женат. Но теперь... Теперь ее надо будет ловить, когда она поведет на прогулку своего огромного лохматого пса...

Гончаров сидел в своем новом кабинете, который когда-то принадлежал полковнику Колотовкину. У Колотовкина была очень хорошая выслуга, он давно уже мог уйти на пенсию и сидеть дома. Но дома у него имелась сварливая жена, к тому же оклад был куда больше пенсии. А еще этажом выше сидел Гончаров, который делал за Колотовкина всю работу.

На столе Колотовкина лежало толстое потертое и поцарапанное оргстекло, к которому прилипло снизу самое главное для зама по уголовному розыску: должностная инструкция, отпечатанная на одном листке: «Организация и осуществление розыска лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия или суда, лиц, пропавших без вести, идентификация неопознанных трупов. Координация деятельности борьбы с преступлениями, связанными с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ...» На другом листке был отпечатан крупным шрифтом текст присяги полицейского... Еще под стеклом хранились старые советские банкноты: рублевая, трехрублевая, двадцатипятирублевая. И фотография самого Колотовкина на фоне санатория имени Кирова в Крыму. На ней полковник позировал в длинных черных шортах и смотрел в объектив так внимательно, словно пытался угадать, в каких преступлениях замешан снимающий его фотограф. Еще в пыльных ящиках стола лежали карандаши, шариковые ручки, распечатанный пакетик с окаменевшими семечками подсолнечника, нагрудный знак «Отличник советской милиции МВД СССР». И половинка разорванной фотографии блондинки. Та была запечатлена когда-то в полный рост, но теперь осталась лишь ее верхняя часть, а нижняя отсутствовала. Судя по всему, бывший хозяин кабинета покидал свое служебное помещение в спешке, унося с собой самое дорогое, как будто ждал ареста.

Почти год Жаворонкову не давали нового заместителя,

видимо, в кадрах понимали, что он ни к чему, потому что со всем справляется Гончаров, которому не нужны ни вторая звезда на погоны, ни лишняя тридцатка к окладу. Алексей Иванович поначалу напоминал, что без заместителя ему никак, но потом перестал даже намекать на это упущение.

Открылась дверь. Без стука вошел начальник РУВД.

– Ну, как осваиваешься? – поинтересовался полковник и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Короче, я тут с женой посоветовался, и мы приняли совместное решение, что тебя надо познакомить с Лидией.

– С какой Лидией? – не понял Гончаров.

– С нашей соседкой... Я же тебе докладывал. – Жаворонков снова изобразил две полуокружности перед своей грудью. – Как выяснилось, Лидия является совладельцем... то есть совладелицей сети медицинских клиник «Парацельс». Слышал про такое?

– Слышал, – кивнул Игорь, – это ведь Парацельс сказал: «Подобное подобным», то есть если выпил накануне водки, то наутро надо принять тоже водки, а если пива, то...

– Да я не о том. Мы с женой решили, ты познакомишься с Лидией и тебе будет не так одиноко.

– Так мне не одиноко, – попытался возразить Игорь, – у меня работа есть.

– Да я не о том. Ты же молодой мужик – тебе сорок лет всего.

– Сорок два, – возразил Гончаров.

– Тем более, – неизвестно чему обрадовался начальник ГУВД. – Мужики с годами только крепче становятся, как хороший коньяк. Короче, мы с женой все уже распланировали: в субботу ты подъезжаешь к нашему дому, и мы все, включая Лидию, едем к нам на дачу на шашлыки. А там уж, как говорится, дело техники. Ты же, насколько я помню, борьбой занимался? Так что, если будет сопротивляться, быстренько переводишь ее в партер...

– И провожу удушающий прием, – подхватил Игорь и тут же покачал головой: – Только нет у меня автомобиля. Бывшая жена на нем уехала.

– А ты в угон подал?

– Нет уж – угнала так угнала. А то вернут машину вместе с женой в багажнике. А мне этого не надо.

– Действительно, в багажнике не вариант, – вздохнул начальник РУВД, – хотя Марина у тебя очень даже симпатичная. У тебя ведь с ней какая-то романтическая история связана – ты же с ней долго до свадьбы встречался?

– Не очень, но мог разговаривать с ней часами – я ее допрашивал: она была подследственной и подозревалась в причастности к банде Цагараева.

– Вспомнил, – обрадовался Жаворонков и тут же снова стал грустным, – банда вымогателей и похитителей. Такие изобретательные были. Сумку с выкупом бросили с моста в воду, а у них там аквалангист сидел. А я еще тогда сочувствовал ей: думал, зря Игореша мучает эту студентку. А ты

взял да женился на ней. Но все равно – нам таких не надо даже в придачу к иномаркам. Но ничего – поедете на машине Лидии: у нее белый «Пассат». На пляжходим, позагораем. У нее, кстати, такое тут... – Полковник поднял руки, но тут же опустил. – Я уже описывал ее, кажется...

И тут же Жаворонков всплеснул руками.

– Так я ж чего к тебе зашел. Тебе же премия за раскрытие дела об убийстве Звягинцева. Семьсот пятьдесят тысяч – как говорится, получите и распишитесь.

– Как? – удивился Гончаров. – Обещали миллион. А как теперь жить, ведь я уже планы на жизнь строил? Курорты и все такое прочее.

– Вообще-то обещали полтора, – уточнил полковник. – Но это если какой-то посторонний окажет неоценимую помощь в расследовании. А ты вроде как свой, ты же на окладе. К тому же тебя подполковником сделали и на новую должность поставили. Уже большое дело. Хотя я понимаю, что нехорошо получается – так к своим относиться, тем более что ты безлошадный. А в наше время на семьсот пятьдесят тысяч ничего путного не купишь. А ты сейчас вообще на чем едишь?

– На служебной. Нам же на наш отдел городское управление «Форд Фокус» выделило. Вот я на нем и мотаюсь.

– Да-а, – вздохнул начальник РУВД, – старая «семерка» у вас совсем убитая была – ведро с болтами. Когда вы ехали на задержание, бандиты за пять километров слышали, как

она гремит. Я у себя в кабинете знал... Сижу, а за окном трах-тарабах. «Ну, – думаю, – опять убойный отдел поехал брать какого-то отморозка. Хоть бы без стрельбы обошлось, а то потом...»

– Алексей Иванович, – не дал ему договорить Игорь, – я вместо себя на отделе оставляю Серегу Иванова.

– Я не возражаю, но только насчет Лидии подумай хорошенько: такие бабы просто так на дороге не валяются. «Парацельс» опять же при ней. А насчет борьбы ты это самое – все же подумай... У тебя же раньше на груди был значок мастера спорта. Почему сейчас не носишь?

– Не мастера, а кандидата в мастера. Мне его вручили, когда я стал чемпионом города среди студентов. Значок и сейчас на форменном кителе красуется. Не носить же его на рубашке.

– Вот завтра и приходи в парадной форме и со значком. И награды свои не забудь надеть, чтобы все сотрудники знали, что ты тут не хухры-мухры, а мой заместитель.

Жаворонков ушел. А Игорь задумался: конечно, никакую парадную форму он не наденет. И награды не наденет, потому что у него одна награда – ведомственная медаль «За доблесть в службе». Есть еще два нагрудных знака – «За отличие в службе», но их уже отменили, и наградами они не считаются, можно положить в бывший стол Колотовкина для компании с нагрудным значком «Отличник милиции МВД СССР».

Запиликал мобильный телефон: вызывал начальник убойного из соседнего района майор Федулов, который сразу начал интересоваться деятельностью фонда.

– Ходят слухи, что это ты со своими ребятами открыл это фонд, – задал вопрос коллега.

– Мы ничего не открывали. Учредителями фонда являются структурные подразделения ГУВД, а я только бумажки носил на подпись, в которых начальники подразделений расписывались. А потом договаривался с благотворителями, чтобы они скинули туда денежки: это же все равно налогом не облагается.

– Узаконенный полицейский рэкет, одним словом, – почему-то рассмеялся коллега.

Гончаров хотел закончить разговор, но Федулов начал расспрашивать, как подавать заявки на материальную помощь, а то у него в отделе три года назад погиб сотрудник, у которого осталось двое детей, и теперь старший сын собирается жениться, будущая жена ждет ребенка, а жилплощадь маленькая.

– Подъезжай ко мне прямо сейчас, пока я на месте, и я все объясню.

– Сейчас не могу, – отказался Федулов, – я сейчас на бытовом убийстве: участковый инспектор, на мою голову, отказывается подписывать акт о смерти, говорит, что здесь не несчастный случай, а вероятное убийство.

– Тогда я сам к тебе подскочу, – пообещал Гончаров, – на-

зывает адрес. Хочу посмотреть, что за инспектор может спорить с таким крутым парнем, как ты, Федул.

Глава вторая

Федулов курил на площадке и, увидев выходящего из лифта Гончарова, бросился к нему.

– Они готовы брать ипотеку, но на первый взнос все равно деньги нужны. А сейчас даже малюсенькая студия сам знаешь, сколько стоит.

– Кто? – не понял Игорь.

– Да родственники. Я же тебе говорил про квартиру.

– Где участковый? – поинтересовался Игорь.

– Достал он меня, – начал возмущаться майор, – уперся рогом и ни в какую. Сначала ребята на него жали – ничего сделать не могут. Потом я примчался, а он все свое талдычит – мол, это убийство...

Гончаров вошел в квартиру. Даже по отделке просторной прихожей было понятно, что в квартире живут небедные люди. У стены стоял шкаф-купе, изготовленный из массива ореха, а рядом с ним большое зеркало в раме того же дерева. Игорь посмотрел на свое отражение. Отражение вздохнуло, как будто понимало, что оказалось здесь совершенно случайно.

Подполковник пригладил волосы и вышел из прихожей в широкий коридор, где возле открытой двери в туалет лежал мертвый мужчина в трусах. Работали эксперты, на кухне за столом сидели двое мужчин в гражданской одежде, один из

которых громким шепотом отчитывал стоявшего у стены полицейского с погонами старшего лейтенанта.

– Ты своей башкой думай, что творишь: любому дураку видно, что тут чистой воды бытовуха, а ты на наш отдел вешаешь глухаря, за который нас всех потом по очереди и в хвост и в гриву...

– Так пусть ваш дознаватель проведет доследственную проверку и вынесет свое решение, если здесь и в самом деле несчастный случай – вы просто не будете возбуждать дело, – оправдывался участковый.

– А дознавателю, по-твоему, больше нечем заниматься? Вот ты тут из себя Шерлока Холмса изображаешь, а у нас сейчас из-за тебя дела стоят...

Игорь вошел на кухню и представился:

– Подполковник Гончаров.

– О-о, – поднялся один из оперов, – уже новое звание получил. Поздравляю с повышением.

– Участковый инспектор старший лейтенант Шишкин, – представился участковый.

– Что тут у вас?

Молодой полицейский бросил взгляд на оперов, после чего посмотрел на прибывшего подполковника и начал объяснять:

– Сегодня в половине девятого утра мне позвонил проживающий здесь гражданин и сообщил, что он вернулся домой с дачи, где ночевал, и застал отца мертвым. Предпо-

жительно, отец пошел в туалет, а когда выходил, то упал назад и ударился затылком об унитаз. На унитазе следы крови, а на затылке глубокая рана.

– Что говорят эксперты?

– Сказали, что с момента смерти и до того времени, как они осмотрели труп, прошло около двенадцати часов, то есть смерть наступила в период от одиннадцати часов вечера до полуночи. Мужчина в это время ложился спать, потому что на нем только трусы и майка.

– Очень меткое наблюдение, – усмехнулся опер в гражданском костюме.

– Позвонивший вам человек был один или есть еще свидетели обнаружения трупа?

– По его словам, был один, – продолжил участковый. – Сначала он завез на работу свою девушку, с которой провел ночь на даче, поехал сюда, потому что отец не отвечал на звонки.

– Чем занимался погибший?

– Он сдавал в аренду гаражи. У него гаражная стоянка с автоматической мойкой и двумя подъемниками для ремонта автомобилей. По работе и бизнесу ни с кем не конфликтовал. И здесь ни с кем... то есть по месту жительства: все отзываются о нем положительно. И вчера вечером он пребывал дома один: по крайней мере, соседи не видели никаких посторонних. Да и в спальне у него на столе стоит бутылка виски объемом семьсот граммов. Бутылка опустошена напо-

ловину.

– То есть можно считать, что он находился в состоянии средней степени опьянения, – опять подключился к разговору оперативник. – А может, и в сильной степени, если он еще что-то употребил. Или реакция организма у него на такую дозу могла быть специфической... Короче, нажрался мужик, пошел ночью в сортир, на выходе его качнуло, он упал и темечком о горшок. Что тут обсуждать, ведь все ясно и без протокола.

– В подъезде есть камера, – вспомнил Игорь.

– Она не работает, – объяснил старший лейтенант Шишкин, – потому что жильцы считают плату за видеонаблюдение завышенной. И управляющая компания отключила камеру. Но хозяин квартиры был здесь один: соседи не слышали ничего. Кроме того, по словам сына, из квартиры ничего не пропало.

Гончаров обернулся к участковому:

– Почему же вы тогда считаете, что это, возможно, убийство?

– Потому что труп лежит не в туалете, а в коридоре и расстояние до унитаза почти два метра. А вообще вы с сыном поговорите. У меня не получилось что-либо у него выяснить. Сына Олегом зовут.

Игорь вышел в коридор. Эксперты закончили осмотр, один из них смотрел на кухню, но обратился к Гончарову:

– Сигаретки не найдется?

Гончаров покачал головой, показал на мертвое тело и спросил:

– На ваш взгляд, что тут может быть?

– Все что угодно. Но скорее всего, он сам упал, и никто его не толкал. Выпил, заснул, потом приспичило, пошел нетвердой походкой, сделал свои дела, не проснувшись окончательно, и на выходе его заштормило. Упал на спину и затылком ударился. Умер не сразу, попытался выбраться. Но получилось только ногами вперед ползти. Следы крови видите? Вот на унитазе, а вот дорожка на полу. Никакого криминала.

– Можно?

Олег кивнул и поднялся, подошел к столу, выдвинул стул и опустился на него.

– Мои соболезнования, – сказал Игорь.

Олег еще раз кивнул.

– Отец часто выпивал? – спросил Игорь.

Парень кивнул, но тут же опомнился:

– Выпивал часто, но понемногу – дозу свою знал: пьяным бывал крайне редко. Но даже если и был пьян, то все сообщал, реагировал адекватно и не качался при ходьбе.

– Триста пятьдесят граммов для него обычная доза?

– Это его норма, после которой он говорил: «Все! На сегодня хватит – мне завтра за руль». Он даже по таблице рассчитал, что при его массе тела триста граммов алкоголя уходят полностью за двенадцать часов.

– У него были враги?

Олег покачал головой, а потом ответил:

– Врагов не было, да и друзей тоже. Он не любил компании. После работы сразу домой возвращался. Ужинал... ну и рюмка-другая. Если мама присоединялась, то они могли и по три, и по четыре рюмки, но виски они пили из стаканов со льдом.

– А у мамы были враги, может, она с кем-то ссорилась?

– А ей-то из-за чего с кем-то ссориться? Мы ее оберегали с отцом от всяких неприятностей: мама вообще очень впечатлительный человек.

– А где мама сейчас?

– У подруги на даче. Мама не работает. То есть у нее есть работа, но в офис ходить не надо. Она киновед: для журналов пишет рецензии и статьи по новым вышедшим в прокат фильмам. И ей скучно дома одной целыми днями.

– Но у вас есть и своя дача.

Олег снова кивнул:

– Не дача, а загородный дом. Там и зимой можно жить. Недалеко от города находится. Если пробок нет, то можно добраться за сорок минут от крыльца до крыльца.

– Вы сегодня там ночевали?

– Там.

– Один?

– С невестой.

– Поздравляю. И когда свадьба?

– Мы с Викой еще не определились. А теперь уж тем более.

На глазах Олега выступили слезы.

– Штамп в паспорте не самое главное, – постарался успокоить его Гончаров, – главное, чтобы любовь была.

Парень кивнул. И признался:

– Мы в самом деле любим друг друга. Давно бы поженились, но...

– Родители были против?

– Папа был не против. Говорил, что у меня своя жизнь и собственная голова. А мама сказала, что полгода – это очень маленький срок знакомства, чтобы жениться...

– Вы невесте уже сообщили о своем несчастье?

– Конечно, она сказала, что попытается выбраться с работы пораньше, чтобы меня поддержать. Она в фитнес-салоне работает администратором. А маме не дозвониться: ее аппарат то недоступен, то она просто не отвечает на вызов.

– Вы где трудитесь?

– Я в аспирантуре учусь. Еще год остался. И работаю у отца бухгалтером. Ну, как бы бухгалтером подрабатываю – там никакой особой работы: я тетрадку заполняю: он ведь на упрощенке. А годовые отчеты уже нанятый бухгалтер делает.

– Много отец вам платил?.. Простите.

– Пятьдесят тысяч в месяц.

– Неплохо, конечно. Но ведь вам надо было с девушкой и в театр, и в клуб.

– На это я у мамы выпрашивал. А вообще отец говорил, что если мне нужно больше, то есть много мест, где можно заработать.

– А сам-то он много имел со своих гаражей и автосервиса? Олег отвернулся и смотрел молча в сторону.

– Меня не интересует, сколько он утаивал от налогообложения. Я занимаюсь расследованием убийств, – объяснил подполковник.

– Его не убили, – напомнил парень, – здесь несчастный случай.

– В Америке говорят, что в мире только две неизбежности, – начал Игорь.

– Я знаю, – снова кивнул его собеседник, – это смерть и налоги. Отец работал честно. У него по-разному выходило, но дохода меньше пятисот тысяч не было никогда. И то это официально только. Ну вы же понимаете: не все можно провести через бухгалтерию даже при желании.

– Пятьсот тысяч! – удивился Гончаров. – В месяц? Как так получается? Можете не скрывать, потому что я к налоговой никаким боком.

Парень кивнул и начал объяснять:

– Сорок гаражей: по пять тысяч каждый – это только доход по аренде, а еще есть авторемонт: два подъемника, каждый приносил в день чистыми десять тысяч. Автомойка доход давала. Грязными за все выходило даже больше миллиона, но надо было платить за электричество, за воду, за охрану,

ну, содержать территорию надо, опять же налоги...

– Все равно очень жирный кусок получается! Теперь вы всем там заправлять будете?

Олег кивнул и вдруг вскинул голову:

– Вы что? Неужели вы подумали, что я...

– Нет, я просто поинтересовался, кто будет управлять предприятием. Ведь ваша мама не справится.

– Мама точно не справится, – подтвердил парень, – она вообще далека от всего земного. Она по образованию театровед, а все театроведы – люди из другого мира.

В комнату заглянул майор Федулов.

– Ты долго еще здесь? – обратился он к Гончарову. – Тут все ясно как божий день. Я погнал в РУВД и оперов своих забираю: нечего им тут делать.

– Советую опросить соседей сверху и снизу, – посоветовал Игорь, – они должны были что-то слышать. Звук падающего тела, например.

– Пусть участковый этим занимается: он все это замутил – пусть сам и расхлебывает.

Все ушли, было слышно, как на площадке остановилась кабина лифта.

– Этот Шишкин уже не в первый раз всем голову морочит, – прозвучал на площадке чей-то недовольный голос.

Загремев, кабина ушла.

– Слышимость у вас однако, – произнес Гончаров.

– Потому что вторая дверь не прикрыта, она со звукоизо-

ляцией, – объяснил Олег, – обычно не слышно ничего.

Запиликала мелодия мобильного аппарата. Олег поднес телефончик к уху, а Гончаров вышел в коридор, где лежал труп и стоял участковый Шишкин.

– Я вызвал машину, чтобы в морг увезли, – доложил ему участковый. – И что теперь: меня заставляют подписывать акт о смерти, что это несчастный случай... Я отказался и написал, что нужна доследственная проверка. На меня наорали, дескать, у нас дознавателей не хватает, а те две, что есть, вообще круглые дуручки, хоть и закончили недавно школу милиции.

– И по пятницам они еще бухают с операми из убойного, – понимающе произнес Игорь.

– Не только по пятницам.

– Соседей обойди!

– Я уже обходил. Никто ничего не слышал: говорят, что было тихо. А где-то перед полуночью приехала мусорная машина, которая забирает наполненные контейнеры и выставляет новые. Когда все это выгружалось и загружалась, гул стоял, а ведь ночь, люди спят... Вы понимаете?

Гончаров не успел ответить, потому что из гостиной вышел Олег.

– Сейчас мама приедет: ей Вика позвонила и сообщила. Я сказал Вике, что мама не берет трубку, а Вика с первого раза ей дозвонилась. Она уже едет за ней...

Он посмотрел на тело отца и отвернулся.

– А почему его никто не прикрыл? – спросил Гончаров.

– Дайте что-нибудь, – попросил участковый Шишкин у Олега.

Молодой человек принес простыню, протянул ее Шишкину и заплакал. Убежал в комнату, и было слышно, как он там рыдает.

– В ванной на стене шкафчик с лекарствами, – шепнул участковый. – Я, когда квартиру осматривал, видел. Может, там успокоительные таблетки есть. Я посмотрю и если найду, то дам парню. Это можно?

Игорь кивнул и отправился на кухню. Опустился за стол и начал размышлять. Возможно, местные опера правы: смерть бытовая, ненасильственная – несчастный случай. Но как мог человек с пробитой головой проползти столько? А если кто-то перетащил тело? Если так, то с какой целью?

Вернулся участковый и сообщил, что успокоительные таблетки имеются и в очень большом количестве.

– Дай пареньку две таблетки, – посоветовал Игорь, – чтобы уж наверняка успокоился. У меня жена по две принимала, хотя ей-то с чего было расстраиваться.

Он подошел к окну и выглянул во двор: близко к дому росли высокие тополя, за которыми просматривались небольшая необорудованная парковка и бетонное ограждение, прикрывающее мусорные контейнеры.

Позвонил Федулов:

– Мы толком так и не поговорили про этот ваш... то есть

наш фонд. Есть надежда, что семья погибшего сотрудника получит материальную помощь?

– Разумеется, – ответил Игорь, – для этого он и создан. Составь ходатайство, согласуй с начальником вашего РУВД, и отправьте президенту фонда. Можно и мне привезти, а я передам...

Двор за окном был большой: до противоположного здания немногим меньше сотни метров. Даже если кто-то видел происходящее в этой квартире минувшим вечером или ночью, то разглядеть подробности вряд ли смог.

– А на какую сумму можно рассчитывать? – продолжил Федулов.

– Не знаю, но деньги есть. К тому же мне ГУВД премию выписало, а это семьсот пятьдесят тысяч. Или собирается выписать. Я предполагаю внести всю сумму в фонд.

Федулов замолчал, а потом тихо поинтересовался:

– Ты серьезно? Это не розыгрыш? Так запросто и отдашь?

– Привози документы, – сказал Игорь и закончил разговор.

Он вернулся в гостиную. Парень уже не плакал.

– Вика позвонила и сообщила, что уже везет маму сюда. Мама в себя не может прийти от того, что произошло.

– Я уж, наверное, не буду их дожидаться, – сказал Гончаров, – задам тебе еще несколько вопросов.

– Спрашивайте, – согласился Олег и вздохнул. – Вы что думаете: папу убили?

– Неважно, что я думаю, – ответил Игорь, – но так полагается – провести доследственную проверку – обязательная процедура такая. Но я уже почти все узнал. Да и не хочется возвращаться к грустной теме. Давай о чем-нибудь приятном поговорим. Вика красивая?

Олег кивнул, достал телефон и стал что-то в нем искать. Потом показал экранчик. На нем была фотография темно-волосой девушки с внимательным взглядом.

– Симпатичная, – оценил Гончаров, – только я все равно ничего не вижу. Экран маленький. Ты мне ссылочку сбрось на мой номер, и я посмотрю. Хотя позавидую чужому счастью, а то от меня жена сбежала...

Тут же он продиктовал номер, но не свой, а практиканта Петра. После чего прошел мимо трупa, в прихожую, а потом и вовсе вышел на площадку. Набрал номер.

– Получил? Не буду объяснять ничего, но ты, как компьютерный гений, должен прогнать эту фифу по всем соцсетям, по всем нашим программам, на предмет того, что может нас интересовать. Нужно срочно. Очень срочно.

– Понял, – ответил практикант.

Подошел лифт, из которого вышли два парня в белых халатах. Посмотрели на Гончарова.

– Где труп? – поинтересовался один.

Гончаров показал на дверь квартиры.

– Вы родственник? – спросил другой. – Кто бумаги подписывать будет?

– Родственник в квартире, а я из полиции.

– Точно, – обрадовался первый, – а то я смотрю: лицо знакомое – вас вчера по криминальным новостям показывали.

Санитары вошли в квартиру, и почти сразу приоткрылась дверь соседней, и в образовавшуюся щель выглянула пожилая женщина. Игорь шагнул к ней и предъявил удостоверение.

– Убойный отдел, – представился он.

– Ой, – испугалась женщина, – а Толю разве убили?

– Вот это мы пытаемся выяснить, и вы можете оказать нам неоценимую помощь.

– Да я бы с радостью, только я не знаю ничего.

Соседка впустила подполковника в квартиру и стала рассказывать, что живет в этом доме давно, с момента постройки. Соседи приехали чуть позже. Тогда это были дедушка, бабушка, молодая семья, то есть родители с мальчиком Толей. Потом дедушка и бабушка умерли, мальчик вырос, а папа ушел из семьи. А может, и наоборот, папа ушел, а мальчик вырос.

– Не скандальный мальчик был?

– Спокойный очень. А чего ему скандалить? У них же все было: бабушка у него в торговле много лет, потом и мама по той же дорожке пошла... Естественно, что Толик как сыр в масле катался.

– А сейчас как, тихо они живут? Враги у них были?

– Живут тихо: так у нас все равно почти ничего не услы-

шишь: стены толстые – сталинский дом. То есть не то чтобы при Сталине построен, но по сталинскому проекту. Тогда же строили не то что сейчас... Тогда все для людей делали... Да-а, – вспомнила женщина, – Анатолий недавно со своим сыном ругался. Олег стоял в прихожей их квартиры, дверь была не закрыта, и чего-то требовал. А Толик ему отвечает, мол, если нужны деньги, то иди машины ремонтировать. Олег выскочил на площадку, мимо меня пролетел, даже не поздоровался. Сказал только: «Чтоб ты сдох!» – вспомнила соседка и сама испугалась своей догадки: – Ой! Как же так? Олежек – такой мальчик хороший...

– Хороший, хороший, – постарался ее переубедить подполковник, – он сейчас плачет без перерыва.

– И вот еще, – продолжила соседка, – вы интересовались – имелись ли у него враги. Про врагов не знаю, а вот недруги были. Как раз в нашем дворе – Вовка Карасев. Они ровесники, но не особо дружили в детстве. Да Толик, мой сосед, вообще ни с кем не дружил – такой он был замкнутый. Тут же все люди простые, а у него и мама, и бабушка в торговле. Но, как потом выяснилось, он бабником оказался и отбил у Вовки девку. Не то чтобы отбил, а переспал с ней. В гости ее позвал, напоил, и, как оно обычно бывает, все у них случилось. Карасев к нему даже на квартиру сюда приходил, и они ругались на площадке возле моей двери. Вовка так и сказал: «Убью!»

– Давно это было?

– Лет тридцать назад – может, меньше. Им где-то по двадцать было. А теперь они вместе работают, то есть Карасев у моего соседа занимается ремонтом машин. Анатолий взял в аренду мусорную свалку, вывез ее куда-то, чтобы экологию не загрязнять, а на том месте поставил гаражи и еще чего-то. Земля ведь дорогая, а он с местной коррупционной властью договорился – вот ему и обломилось. Вы разве не знали?

– Полиция все знает, – кивнул Игорь, – но там все чисто по документам.

– Вот то-то и оно, что по документам, – огорчилась старуха, – а по сути получается, что все страну по кусочкам раздали. По документам у нас одно, а по правде все наоборот. Так-то я про Толика плохого ничего сказать не могу, и сын у него вежливый – здороваётся всегда. И жена Варвара – тоже тихая. Она же приезжая, училась здесь. И вот познакоми-лась как-то с моим соседом и в скором времени переехала к нему – чего же ей по общагам мыкаться, а потом еще и родила Олега. У них с Анатолием десять лет разница. А чего делать? Хорошо жить все хотят, а у них к тому же еще и дача есть – я там была как-то: они меня привезли, чтобы я яблок насобирала сколько мне надо, а потом увезли. Так там у них не дача, а кирпичный особняк – комнат уж не знаю сколько, я глубоко в дом не заходила, но восемь точно есть. А внизу камин. Но больше туда не приглашали, а я тогда соков понаделала...

Напомнил о себе мобильный. Звонил практикант:

– Товарищ подполковник, докладываю. Нашел нескольких подходящих под описание, то есть по фотографии. Девушка вполне стандартная: прическа, фигура, косметика. Но Вика из них только одна – не уверен, что та же самая, хотя... зато нашел в удаленных страничках еще парочку: одна из них – некая Диана, занималась эскорт-услугами, но напрямую ее заказывать было нельзя, только через агентство. И еще одна похожая, размещавшая объявление о частных уроках для молодых состоятельных мужчин. На фото она в купальнике и лицо похожее. Зовут Тиана. Что за имя такое?

– Обыкновенное русское имя, – не удивился Гончаров, – означает «Королева фей». Заимствовано из старого американского мультика «Принцесса и лягушка».

– Да? – удивился Петя. – А я и не знал. Но я просто по созвучию «Диана-Тиана» решил проверить переписку. Заказов у нее было немного. Но я наткнулся на один. Обращалась к ней какая-то дама. Сообщила, что у нее сын – красив, умен, образован, но девственник, и ему надо помочь, а деньги для этой дамы – не проблема. Я отыскал страничку этой дамы и среди ее френдов обнаружил сына – похоже, что это тот самый парень, ссылку на телефон которого вы мне присылали. Дальше что делать?

– Закажи билинг на номер телефона этой дамы и, соответственно, Дианы-Тианы. Узнай, где находились их аппараты вчера с одиннадцати вечера и до часа ночи. Скажи, что это моя личная просьба, пусть поторопятся сделать.

Игорь закончил разговор и посмотрел на хозяйку:

– Ну все, труба, как говорится, зовет. Спасибо огромное, вы оказали неоценимую услугу следствию.

– Уходите? – расстроилась соседка. – А я как раз вспомнила, что Толик как был бабником, так им и остался. Пока жена на даче с сыном, приводит сюда разных девок. Не скажу, что часто, но бывало.

– А вчера вечером приводил?

– Врать не буду, но слышала, как кто-то прошел мимо моей двери. То есть прошла: каблучки – цок-цок-цок. А потом дверь у соседа открылась и закрылась.

– А когда эта «цок-цок-цок» обратно прошла?

– Не знаю, потому что заснула: наверное, уже после полуночи.

– А это не могла быть Варвара?

– Могла! – уверенно подтвердила соседка. – Она тоже на каблучищах шлындрает. Лет-то ей уже за сорок, а все туда же – молоденькой хочет казаться: губы себе наколола, сиськи... простите, грудь себе вставила. А зачем все это, ты кого обмануть хочешь? Природу не обманешь!

– Вставила и вставила: это же не криминал. Нам какое дело до этого.

– Вам-то, может, и никакого, а ведь есть мужики, которые только на это дело и глядят. У кого сиськи... простите, у кого грудь побольше, та и красивее, по их мнению.

Гончаров вспомнил начальника РУВД и спорить не стал.

Снова позвонил Федулов и сообщил, что в крови покойного обнаружено три с половиной промилле алкоголя.

– То есть он выпил перед смертью почти семьсот граммов виски? – удивился Гончаров.

– Получается, что так, – с завистью в голосе отозвался Федулов. – Теперь уж понятно, почему он головой об унитаз долбанулся. Какие тут могут быть сомнения; перебрал мужик так, что на ногах не стоял.

– А где тогда выпитая бутылка?

– Откуда мне знать? Да меня это и не интересует, раз нет никакого дела, то и расследования никакого нет. Входная дверь открыта родным ключом: следов взлома или отмычки нет, к тому же в квартире сигнализация. В крови трупа следов ядов и наркотических веществ не обнаружено. Что ты еще хочешь узнать?

– Да я уже к себе в район возвращаюсь, – ответил Гончаров, хотя сейчас менее всего собирался это делать.

Игорь вернулся в соседнюю квартиру: тела уже не было.

Олег и участковый сидели на кухне и беседовали.

– У меня отец и вовсе в сорок два года умер, – говорил Шишкин, – поехал с приятелями в Карелию на рыбалку, и там сердце прихватило. Пока дозвонились, пока «Скорая» выехала, короче, вот так... сердце не выдержало.

– Они там выпивали, вероятно? – предположил Олег.

– Выпивали, конечно, но мой отец если и употреблял, то

исключительно пиво.

– Кстати, – вступил в разговор Игорь, – а бутылка виски, что в спальне, – откуда она там?

Парень пожал плечами:

– Не знаю. Но вообще у нас дома всегда что-то есть. И еще такая же бутылка виски была. Кажется, даже две бутылки, одна начата. А вторая... Я проверю.

Он вышел из кухни и скоро вернулся.

– Пусто. То есть не совсем: там коньяк французский остался, а виски нет и бутылки шампанского тоже. Французское шампанское – дорогое, с желтой этикеткой. Названия не знаю.

– Я в шампанском не разбираюсь, – признался Игорь, – но французское видел как-то в богатом доме и как раз с желтой этикеткой. «Клико» называется. Мы с обыском пришли к одному... Не буду рассказывать. Ты мне не сказал, во сколько с дачи выехал?

– Где-то в половине восьмого. А встал в семь.

– Как и я сегодня. А так хочется подольше в постели поваляться. А ты как?

– Сегодня на удивление легко поднялся, – продолжил рассказывать молодой человек. – А вчера, как лег в постель, сразу вырубился. Открыл глаза, а там уже семь часов и солнце.

– А у нас дождик капал. Не помню, спрашивал или нет: у отца были какие-нибудь трения по бизнесу или просто по жизни? С Карасевым, например.

– Он никогда ни с кем не ссорился: папа был спокойным человеком. А с Карасевым они не конфликтуют... То есть не конфликтовали. Потому что Владимир Семенович понимает, что если какие претензии к нему будут, то он сразу вылетит с работы.

Открылась входная дверь, и в квартиру вошла женщина лет сорока, но со следами омоложения на лице – пухлые губки и гладкая кожа под глазами. На ней был летний костюмчик: короткий пиджачок, стилизованный под капитанский китель, и шелковая юбочка, открывающая колени. Увидев на кухне сына, женщина бросилась к нему, обхватила руками его шею и заплакала:

– Как же так, сыночка? Как это все произошло? Почему?

Она подняла голову и как будто только сейчас заметила на кухне посторонних.

– А вы кто, господа? Вы разве не видите, что у нас горе?

– Вообще-то мы из полиции, – ответил Гончаров, хотя дама и так могла заметить, что на одном из мужчин полицейская форма. – Мы по долгу службы обязаны задать вам несколько вопросов. Олег уже ответил на часть, а теперь...

– Только не сейчас, – покачала головой вдова, – в другой раз как-нибудь...

– Как-нибудь нельзя. Сейчас это считается несчастным случаем, а потом откроют дело и начнется тщательное расследование. Вас замучают вызовами и опросами. А так мы все закончим прямо сейчас. Пара-тройка вопросов, и вы сво-

бодны.

Вдова задумалась, а потом вздохнула.

– Отвечу на ваши вопросы минут через десять. Мне надо в себя прийти, надо принять успокоительное...

– Мы тогда с коллегой на площадке постоим, если вы не против?

Мать Олега кивнула.

– Мне уже и самому кажется, что это несчастный случай, – вздохнул Шишкин, когда они вышли из квартиры.

– Не спеши. И спустись во двор и загляни в мусорный контейнер для стекла. Ночью контейнеры поменяли, а сейчас рабочее время – большинство местных жителей не дома, а на своих трудовых постах. А потому вряд ли туда набросали много бутылок.

– Что я должен искать?

– Бутылку из-под виски, сам знаешь какого, и бутылку шампанского с желтой этикеткой. Возможно, они в одном пакете лежат. Только будь осторожен: надо проверить бутылки на наличие всех отпечатков. А если повезет, то в пакете должно быть еще кое-то.

– Что?

– Пока не знаю. Но что-то должно быть.

Лифт увез участкового, и сразу из своей квартиры выглянула соседка.

– Вспомнили что-то еще? – догадался Игорь.

Старуха кивнула и начала быстро шептать:

– Олег тоже привозит сюда свою подружку, когда родителей дома нет. Так эта подружка точно так же цокает каблуками.

– В глазок этих цокотух не видели?

– Так надо еще к глазку добраться. А я же не спортсменка-бегунья. К тому же у меня артрит. Порой так колено прихватит, что мочи нет.

– Жалко, что у вас камера наблюдения не работает.

– Так управляющая компания такую цену за нее заломила, вот я народ и взбаламутила, мол, надо отказаться от такой дорожкой услуги. Толик, теперь уж покойный, решил оставить, но отключили всем сразу и ему тоже. А в соседнем парадном камера есть, но она на двор направлена – как раз на помойку.

Подошел лифт, из кабины вышла девушка в туфельках на высоких каблуках-шпильках.

– Цок-цок-цок, – прошептал Игорь.

– Вот, – шепнула старуха.

Девушка подошла к дверям соседней квартиры, нажала кнопку звонка. Подполковник бросился к ней:

– Погодите, Вика, мне тоже сюда надо. Я из полиции.

Дверь открылась. Мать Олега, по-видимому, приняла уже успокоительное, потому что, увидев, как Гончаров уверенно перешагнул порог, протянула ему руку и представилась:

– Варвара Григорьевна.

И тут же посмотрела на Вику и проинформировала:
– Анатолия уже увезли. В смысле тело Анатолия.

Говорила она так спокойно, как будто уже смирилась и со смертью мужа, и с тем, что девушка стала частью их семьи.

– Я быстренько, – пообещал Игорь, – только задам несколько вопросов. Вам, Варвара Григорьевна, и вам, Вика. Много времени это не займет. Только опрашивать каждую буду по отдельности. Такова необходимая процедура.

Мать Олега кивнула, а девушка посмотрела в сторону, на своего жениха.

– Пройдем в гостиную, – предложила Варвара Григорьевна и, когда вошла в комнату, произнесла: – Если не возражаете, могу предложить рюмочку хорошего виски.

– Виски нет, – вздохнул Гончаров, – как и шампанского «Клико».

Вдова удивилась этому известию. Вскинула брови, а потом махнула рукой.

– Ну и ладно, – сказала она, – нет так нет: трезвость – норма жизни.

– Варвара Григорьевна, – произнес Игорь, – возможно, в вашей квартире произошло преступление: был убит ваш муж. Подозреваемых немного, а потому...

– Что? – вскипела вдова. – Вы меня в чем-то обвиняете?

– Ни в коем случае. Но поскольку я знаю, кто подружка вашего сына и чем она занималась в недавнее время...

– И чем же таким особенным?

– Да вы лучше меня знаете, – не стал вдаваться в подробности подполковник. – Дело в том, что в наше время выяснить, кто кому звонил и отправлял сообщение, несложно. Следственным органам известно, когда и с какой просьбой вы обратились к ней. Другими словами, вы познакомились с невестой вашего сына раньше, чем сам Олег. Но вашего сына, как мне кажется, подобная новость отнюдь не обрадует. Скорее наоборот...

– Я не понимаю, о чем вы, – изобразила недоумение Варвара Григорьевна. – Могу сказать только, что мой аккаунт некоторое время назад был взломан злоумышленниками и с него были отправлены рекламные рассылки, а также какие-то письма неизвестным мне людям.

– Наши специалисты проверят и это... Хотя наверняка уже проверили.

– Вы меня подозреваете в чем-то? В том, что я познакомилась с какой-то девушкой раньше моего сына? Бред! Я же вам сказала, что страничку взломали...

Прозвучал дверной звонок, и через несколько мгновений в гостиную вошел опешивший от своей находки Шишкин. Он нес в руке полиэтиленовый пакет, подошел к Гончарову совсем близко и шепнул:

– Вот, в мусорном контейнере нашел: две пустые бутылки и молоток... – Он покосился на вдову и продолжил шепотом: – Со следами крови.

Игорь взял пакет, заглянул в него и сказал участковому:

– Вызывай экспертов. Надо срочно дактилоскопировать всех, находящихся в этой квартире.

Вдова растерянно смотрела на них. Гончаров вернул пакет участковому, отвернулся от вдовы, шагнул в сторону, достал мобильный и набрал номер практиканта.

– Только собрался вам позвонить по поводу билинга, – радостно сообщил Петр, – получил распечатку. Аппарат Вики был выключен, но перед тем он находился в Юкках. А телефон вдовы был в городе на Морской набережной в жилом комплексе «Гавань капитанов». Что еще надо сделать?

Гончаров повернулся к вдове и спросил:

– Где вы находились этой ночью?

– У подруги на даче.

– Зачем вы говорите неправду? Нам уже известно о Васильевском острове, о «Гавани капитанов». – Гончаров посмотрел на пиджачок хозяйки квартиры, словно только сейчас его заметил, и усмехнулся: – Труда не составит узнать и фамилию этого капитана.

Варвара Григорьевна не смутилась, лишь покраснела немного и тихо сказала:

– Я была у своего друга Артура.

Она достала из сумочки пачку сигарет и зажигалку.

– Понятно, – кивнул Игорь, – капитан Артур Грей, который прибыл за своей Ассоль в Зурбаган. Или у вашего друга – покорителя морей другая фамилия? Назовите фамилию капитана, у которого вы провели нынешнюю ночь: мы и его

должны проверить.

Вдова задумалась, посмотрела в сторону. Затянулась сигареткой. Выдохнула струйку дыма, дернула плечиком и произнесла:

– Артур Оганесян. Он достаточно известный кинорежиссер и хотел со мной посоветоваться по поводу рекламной раскрутки его нового фильма. А вообще это моя личная жизнь. И потом, вы не там ищите, я к криминальному миру никакого отношения не имею, а есть твари, которые...

Гончаров помахал рукой, разгоняя табачный дым перед своим лицом.

– Вопросов к вам пока нет. Можете идти к сыну. Только позовите сюда Тиану.

Мать Олега не стала уточнять, очевидно, прекрасно знала творческий псевдоним невесты своего сына.

– А мне что делать? – поинтересовался Шишкин, когда вдова вышла из комнаты.

– Просто помогай мне. А вообще тебе нравится быть участковым?

Молодой человек пожал плечами.

– Не думал об оперативной работе? – продолжил подполковник.

– Я все время об этом думаю. Просился в убойный, но мне ответили, что свободных ставок нет.

– В нашем РУВД есть. Из тебя может получиться хороший опер, и я возьму тебя по переводу. Сегодня оформим на тебя

раскрытие преступления. А пока посиди на кухне.

Участковый открыл дверь, запустил в гостиную девушку, а сам вышел.

– Присаживайтесь, – предложил девушке подполковник, – я скажу вам, что убийство раскрыто. Орудие преступления найдено, бутылки, которые вы выбросили в мусорный контейнер, тоже.

– Я ничего не выбрасывала.

– Вы есть на записи с камер соседнего подъезда. Вам, наверное, неизвестно, что там камеры никто не отключал. Кроме того, соседка видела в дверной глазок, как вы прошли мимо ее квартиры, позвонили в дверь и Анатолий вам открыл.

– Ерунда какая, – улыбнулась девушка, – я была на даче вместе с Олегом. Он может подтвердить.

– Он не может подтвердить ваше алиби, потому что он спал, как ребенок. Лег, а потом проснулся уже утром. Не сомневаюсь, что вы скормили ему приличную дозу снотворного. Сейчас приедут специалисты и возьмут у него кровь на анализ. Кроме этого, и на бутылке, и на молотке будут найдены отпечатки ваших пальчиков.

– Ничего они не найдут. Там не может быть моих отпечатков.

– Уверяю вас, что найдут. Сейчас у экспертов такая аппаратура! В специальном излучении проявляются даже стертые или смытые отпечатки. Опытные домушники надевают теперь по две пары резиновых перчаток.

Девушка задумалась.

– Думайте скорее, – поторопил ее Гончаров, – потому что я поговорил с Варварой Григорьевной, и она готова откровенно рассказать, каким образом вы оказались рядом с ее сыном и какими делами вы занимались прежде... Оказание эскорт-услуг у нас не является преступлением, но присяжные почему-то считают это отягчающим обстоятельством. Но выход, однако, есть. Наказания, конечно, не избежать, но можно сделать его максимально мягким.

Гончаров сделал небольшую паузу и продолжил:

– Я всегда предлагаю подозреваемым, разумеется, кроме маньяков и прочих уродов, написать явку с повинной. Если ваша причастность к убийству будет доказана в суде, то вам светит двенадцать лет, а при хорошем и дорогом адвокате – десять. Если оформим явку, то приговор будет ниже низшего предела. Скорее всего, суд назначит шесть. А если так, значит, возможно УДО... Знаете, что это такое?

Девушка кивнула. А Гончаров перешел уже на вовсе доверительный тон, стал говорить тише и даже склонился в сторону невесты Олега.

– УДО получить несложно, – шептал он. – Так что думайте: срок сократится до четырех лет, а с учетом предварительного заключения – сидеть вам три с половиной, а может, и меньше. А это не двенадцать долгих мучительных бесполезных лет, ломающих вашу жизнь и калечащих вашу психику.

– Хорошо, – согласилась Вика, – я напишу явку. Только я

не хотела убивать. Он сам напал на меня, требовал интимной близости, я стала сопротивляться, схватила то, что попало мне под руку...

– Хорошая мысль, – поддержал ее Гончаров, – только со своим адвокатом вы определитесь, как вы, защищаясь, ударили его молотком по затылку возле туалета. Попробуйте представить так, что жертва упала... то есть Анатолий упал и ударился затылком об унитаз. Но вообще мысль интересная: он умер не от вашего удара, а от того, что ударился головой при падении. Если бы был трезвым, то от вашего удара не упал бы.

– Да, да, да, – подхватила девушка, – так оно и было. Я просто забыла, потому что была в состоянии... Как это на юридическом языке называется?

– В состоянии аффекта, – подсказал Игорь. – А мне объясните, что от вас хотела Варвара Григорьевна. Мы-то это знаем, конечно, но у нас пока лишь предположения, а нужны факты. И опять же помощь следствию зачтется на суде.

– Вы и это знаете? – удивилась девушка. – Хорошо, я скажу всю правду. Варвара Григорьевна попросила познакомиться с ее сыном... Дала аванс. И потом хорошо заплатила. Но Олег вдруг на мне завис, начал мне названивать, и мы стали с ним встречаться. Варваре Григорьевне это не понравилось. То есть ей совсем это не понравилось. Она даже мне угрожать стала. Но я посмеялась и сказала, что у меня возможностей больше, потому только кнопку на телефоне на-

жать, и сразу с ней вопрос решат... Конечно, это не так, но она поверила, а потом очень скоро назначила встречу в баре. На ней она попросила меня найти киллера, который согласится убить ее мужа. А за это она не будет против нашего брака с Олегом. А Толе было все равно – поженимся мы или нет. Ему на многое было плевать. Варвара Григорьевна знала, что он ей изменяет и собирается с ней разводиться. А у них брачный контракт, по которому она если и получит от Анатолия какие-то деньги, то сущие гроши. Она и в самом деле не сомневалась, что если я работала непродолжительное время эскортницей, то у меня обширные криминальные связи. Но я и не собиралась никого искать. Я решила предупредить Анатолия Михайловича... Позвонила ему и намекнула, что есть серьезный разговор... Он сказал, чтобы я приезжала к десяти вечера. Но я приехала чуть позже. Он был уже сильно пьян. Потом еще достал бутылку шампанского и заставил меня с ним пить.

– И вы выпили всю бутылку?

– Не всю. Когда он открыл, то половина или даже больше вылилось на пол. Он заставил меня принести тряпку и подтереть. Когда я наклонилась и стала вытирать пол, он на меня напал сзади.

– И вы схватили молоток?

Невеста Олега замолчала, раздумывая, как отвечать, а потом кивнула:

– Молоток в моей руке оказался потом. А тогда я вырва-

лась, побежала к выходу, но дверь была закрыта, я заскочила в туалет, но не успела закрыть за собой, потому что Анатолий рванул дверь на себя. А там как раз лежал молоток. Я схватила его и не помню, как отмахнулась... Ну, чтобы напугать его.

– Как давно ты была знакома с Анатолием Михайловичем?

Девушка напряглась и молчала.

– Вика, если я об этом знаю, то и на суде об этом будут спрашивать.

– Я знакома с ним шесть лет. Я сразу после школы приехала сюда, чтобы поступить в институт, но не прошла по конкурсу. А домой возвращаться – вообще позор. К тому же дома – полная задница, никаких перспектив, да еще мама-ша сильно пьющая, а здесь все-таки культура. И вот еще одна девочка, с которой мы познакомились во время экзаменов, предложила разместить на сайте знакомств свою рекламу, мол, готова сопровождать состоятельных мужчин в их поездках на отдых за границу. И через два дня мне написал Анатолий и предложил съездить вместе на Кипр.

Вика вздохнула.

– А там, подло накачав тебя кипрским мускатом, он стал твоим первым клиентом и первым мужчиной, – подсказал Гончаров.

– Первым клиентом, – призналась девушка, – мужчины у меня уже были, точнее, ребята из нашего города. Короче,

слетали мы с ним на Кипр, он мне заплатил пять тысяч евро. Я была такая счастливая, потому что там такая беззаботная и веселая жизнь: пляжи, ночные клубы, дискотеки... Да еще пять тысяч за все это дают. Потом мы с ним еще в Дубай летали, где у него друг живет. А подружке не повезло, на нее вышли какие-то бандиты и заставили работать на них, а перед этим они ее несколько дней насильовали... Она и согласилась, а что делать. Потом пыталась бежать несколько раз, но ее ловили... Где она сейчас, не знаю... А я поняла, что одной не выжить в этом мире, нашла приличное элитное агентство, где мне давали клиентов, но оставляли только тридцать процентов от заработанного. А у меня ведь большие траты: одеваться надо, косметику покупать и парфюм, а ведь еще и солярий, и фитнес, и шугаринг. Да и вообще жизнь нынче дорогая...

– Ладно, это все лирика, а ты пока чистосердечное признание напиши на имя старшего лейтенанта полиции Шишкина. Напишешь, и мы оформим тебе явку с повинной. Форма произвольная, главное, укажи, что ударила молотком, защищаясь. Глаза закрыла от страха, махнула молотком, а он пригнулся, и ты попала по затылку, не желая этого, то есть не собираясь причинить ему физический ущерб и уж тем более смерть.

– Ой, а ведь так и было. Как вы догадались?..

– Пиши!

Вика покрутила головой и пожала плечами.

Гончаров открыл дверь, высунулся в коридор и позвал:
– Олег!

Из кухни вышел молодой человек.

– Не в службу, а в дружбу, – обратился к нему Игорь, – принеси несколько листов бумаги и ручку.

Игорь не вернулся в комнату, стал дожидаться молодого человека в коридоре. Из спальни выглянула Варвара Григорьевна. Шагнула к Гончарову и тихо поинтересовалась:

– И что говорит эта стерва? Призналась? Дает показания?

– Да куда она денется! – пообещал подполковник.

Подошел Олег, который слышал последние слова, и испуганно обернулся к матери. А та вздохнула печально и погладила сына по голове.

– Вдвоем мы теперь остались, сыночка.

Игорь вернулся в гостиную, положил листы и ручку на стол.

Вика взяла ручку, задумалась, посмотрела на подполковника и спросила:

– А писать, что Варвара Григорьевна готова была заплатить киллеру тридцать тысяч евро?

– Писать можно все что угодно, но ты же все равно это не докажешь.

– Почему же, – улыбнулась девушка, – я ее записывала. У меня все телефонные разговоры автоматически под запись. А при личных с ней встречах я включала диктофон. Но я не потому согласилась, что рассчитывала на эти деньги. Она

мне пообещала, что не будет возражать против моего брака с ее сыном.

Гончаров присел на диван, в ожидании, когда Вика закончит писать. Он осматривал комнату, дорогую мебель, размышляя о том, зачем одни люди убивают других. На войне или защищая себя и своих близких – понятно, а зачем это сделала Вика? Для того чтобы скрыть, что имела интимные отношения с будущим свекром, что за вознаграждение переспала с будущим женихом, записывала все разговоры с будущей свекровью, чтобы потом шантажировать, выставляя организатором особо опасного преступления...

– Я написала, – объявила Вика и протянула Гончарову лист, исписанный кривым почерком.

Игорь начал читать.

– Господи! – удивился он. – Что у тебя по русскому в школе было?! Почти в каждом слове ошибка.

– Ну и что, – не смутилась Вика, – за это ведь не расстреливают.

– А надо бы, – не согласился с ней Гончаров, понимая, что девушка уже успокоилась, решив, что никакого суда теперь не будет.

На листе было написано:

Я Виктория Степановна Сапожникова признаюся в том что в состоянии аффекта при защите своей половой неприкасаемости случайно убила малотком Анатолия Михайловича Делюгина в его квартире потому что другога спосо-

ба повлиять на него не было, Это произошло в момент когда он хотел совершить развратные действия насильственного характера в отношении меня. Так как Анатолий Михайлович был невменяемый и сильно пьяным. И я не хотела принести физического ущерба или смерти. И если бы не моя самозащита то жертвой мог стать не он а я.

Игорь посмотрел на девушку.

– Теперь важно, чтобы присяжные поверили, – сказал он.

– Да уж как-нибудь, – ответила Вика, – я им такое кино покажу! Изобразю им Катюшу Маслову из того отрывка из романа Льва Толстого «Воскресенье», что на экзамене в театральный читала.

– Давай-ка посерьезнее, – посоветовал Гончаров.

– Так я серьезно почитаю. Вот слушайте: «Нехлюдов посмотрел на подсудимых. Они, те самые, чья судьба решилась, все так же неподвижно сидели за своей решеткой перед солдатами. Маслова улыбалась чему-то. И в душе Нехлюдова шевельнулось дурное чувство. Перед этим, предвидя ее оправдание и оставление в городе, он был в нерешительности, как отнестись к ней; и отношение к ней было трудное. Каторга же и Сибирь сразу уничтожали возможность всякого отношения к ней; недобитая птица перестала бы трепаться в ягдташе и напоминать о себе...»

– До сих пор помнишь? – удивился Игорь.

– Конечно. Знаете, какая у меня память? Я все помню и про всех. А про Варвару я потом отдельно напишу.

И мило улыбнулась.

В коридоре его подждал участковый Шишкин.

– Товарищ подполковник, эксперты не приедут, а наши опера из убойного меня и вовсе послали.

– Им же хуже: отвезем подозреваемую в мой РУВД и там все решим.

– В смысле?

– Я же сказал, что оформляем на тебя раскрытие.

– Так это все-таки убийство?

– Так ты же сразу это понял. Разве не так? Невеста и убила. Она, правда, уверяет, что защищалась, однако, отправляясь сюда, подсыпала жениху снотворное. Потом взяла его машину и рванула сюда, не предполагая даже, что по уличным камерам мы сможем отследить весь ее путь и увидеть, кто за рулем. За убийство Анатолия его женой было обещано тридцать тысяч евро, вот девушка и клюнула на заманчивое предложение. И ведь спокойно совершила убийство, не переживая, не мучаясь. Как полагается, избавилась от орудия убийства и от бутылок, на которых могли быть ее отпечатки. По наивности своей выложила в своем признании, что будущая свекровь подбивала ее найти киллера для мужа и она может это доказать.

– Так это уже часть вторая сто пятой, подпункт «ж», – удивился участковый, – убийство, совершенное группой лиц по предварительному сговору: наказание от восьми до два-

дцати.

– Молодец! – похвалил Шишкина Гончаров. – Юридический окончил?

– Нет, – смутился участковый, – окончил я Академию промышленных технологий, пошел на завод инженером-технологом по металлообработке, а потом вдруг решил в полицию податься. А Уголовный кодекс я каждый вечер штудирую и учебники по криминалистике тоже.

– Значит, тебе самое место у нас – не век же в участковых мыкаться.

Глава третья

Дежурная машина высадила его возле магазина. Игорь пробежался по торговому залу, мимо знакомых прилавков, хватая с привычных мест знакомые продукты, подошел к кассе, начал выкладывать на ленту хлеб, колбасу, сосиски, макароны, томатный соус, бутылку пива... Поднял глаза и увидел, что рядом стоит Лена⁵. Смотрит на него и улыбается. Так красиво улыбается, что он растерялся.

– А я только сегодня вас вспоминал... – сказал он, – То есть не только сегодня, а вообще вспоминаю вас постоянно последнее время. Куда вы пропали?

Это было совсем глупо, потому что не она пропала, а он перестал гулять с Баксиком.

– А я вчера вас видела, – доложила девушка. – Себе ужин готовлю, а на кухне включен телевизор – просто для фона, поднимаю глаза, а там вас показывают.

– Увы, мне такая реклама не нужна вовсе. Если бы Паша Ипатьев предупредил, я вообще бы отказался перед камерой стоять. А теперь так будет: если приду куда-нибудь инкогнито, то все равно меня узнают и пальцем будут показывать: вон тот самый мент! А вообще, давайте лучше сменим тему. Что у вас нового?

---

⁵ Екатерина Островская. «Девушка вне всяких подозрений».

– У меня все новое, – ответила Лена, – ведь вас не видно в последнее время: ни вас, ни вашей жены, ни вашей собачки и даже вашей машины.

– Все меня бросили, – весело ответил Игорь, – жена, машина, собачка. Собачку жалко, конечно, увезли ее в чужие края, не спросили даже...

– Надолго?

– Надеюсь, что ей там будет лучше и они вдвоем останутся в дальних краях навсегда.

– Печально, – вздохнула девушка.

– Зря вы все близко к сердцу принимаете, – успокоил ее Гончаров. – Они живы – уже хорошо, а если они живут припеваючи, то за них надо только порадоваться. Но вы уж больно печальная сегодня. Платье на вас черное – у вас траур?

– Платье не черное, а темно-серое и в горошек. Хорошее платьице, кстати, – итальянское. Я его долго искала. Но если вам не нравится – скажите: я его подарю кому-нибудь.

Подошла очередь.

– Мне подарите, – предложила кассирша, которая, как оказалось, прислушивается к чужому разговору. – Хотя на меня оно точно не налезет. У вас ведь какой размер? Сорок четыре, а у меня...

Кассирша вздохнула и внимательно посмотрела на Гончарова, пытаясь вспомнить, где она могла его видеть, и на всякий случай приветливо улыбалась. И наконец вспомнила.

– Ой, это же вас Ипатьев вчера показывал. – И тут же пе-

решла на шепот: – А я все думаю, как с вами связаться. У меня к вам дело. Дело мое в том... – Кассирша покосилась на спутницу Гончарова и стала шептать совсем уж тихо: – Меня сосед домогается, шантажирует...

– Чем же он вас шантажирует? – так же тихо поинтересовался Игорь.

– Он говорит, что все мужу расскажет.

– Что расскажет?

– Ну как что. Говорит, что расскажет мужу, что у нас было. Просто он один раз... то есть уже два раза домогся.

– Так это вам не ко мне, а к участковому.

– Так мой сосед и есть участковый. Он мне уже который год в любви признается.

– Так вы в нашем районе живете?

Кассирша кивнула.

– Тогда я наверняка знаю вашего ухажера, – сообразил Игорь. – Как его фамилия?

Кассирша помялась, но все-таки назвала имя:

– Романов.

– Романовых у нас двое: какой из них? Есть Романов Николай Второй, а есть еще и Денис Иванович.

– Денис, – вздохнула кассирша, – такой серьезный с виду.

– Это только с виду, – начал веселиться Гончаров. – Он однажды составлял протокол осмотра места преступления. Там женщину убили, а он написал: «На раскладном диване в естественной позе лежит стройный труп молодой женщи-

ны лет сорока: волосы темные, крашенные, глаза жгучие, полные страсти и мольбы, – одного нет». Потом начальник нашего РУВД приказал вывесить этот протокол на доску объявлений со своей резолюцией. Красным фломастером полковник Жаворонков написал: «Умри, Денис, ты лучше не напишешь!»

– Ну и что здесь смешного, – удивилась женщина, – чтобы сразу смерти кому-то желать.

– Никто никому ничего не желает, – присоединилась к разговору Лена, – это Потемкин сказал Фонвизину после премьеры комедии «Недоросль».

Игорь оплатил товар, взял свой пакет, отошел к выходу и стал оттуда наблюдать за Леной, которая о чем-то оживленно беседовала с кассиршей. Потом она отошла, подняла голову и улыбнулась Гончарову. И тут же смутилась. Подошла, и тогда Игорь сказал ей, что платье действительно замечательное и не надо его никому дарить.

– Я его нашла на Кола ди Риенцо прямо возле площади Рисорджименто.

– Звучит как музыка, – удивился Игорь. – А где это?

– В Риме, в районе Прати.

– Не бывал там никогда, – признался Гончаров. – Меня все время тянуло мимо Европы: Сингапур, Шанхай, Гонконг. А еще Пасир Гуданг...

– А где это?

– Пасир Гуданг? В Малайзии. А о чем вы так долго с кас-

сиршей беседовали, после того как я отошел? Я уже соскучиться успел.

– О вас говорили, разумеется, – призналась Лена. – Касирша мне сказала, чтобы я вас крепче держала двумя руками и не отпускала от себя. Потому что видно невооруженным глазом, что вы от меня без ума.

– Неужели так заметно? – смутился Гончаров.

– Вообще-то ничего не заметно, – пожала плечами Лена, – просто вы очень галантный мужчина.

– Это да, – согласился Игорь, – я вообще натура романтическая, мне даже приснилось нынешней ночью, будто я капитан Грей и мой трехмачтовый галеон «Секрет» рассекает океанскую гладь. Смешно?

– Нет. Я сама такая же романтическая, но только не буду говорить, что сегодня видела во сне.

– А вам сны часто снятся?

– Постоянно... Ладно, скажу: мне сегодня приснилось, как я разбежалась, замахала крыльями и взлетела.

Гончаров посмотрел по сторонам и предложил:

– Не возражаете, если я вас провожу? А по дороге расскажете мне, что у вас нового.

Лена кивнула и тут же спросила сама:

– А как вы оказались в Юго-Восточной Азии?

– На судне туда ходил. Я же был вторым штурманом на сухогрузе. Потом меня обвинили в провозе контрабанды и списали на берег. Списали на один год, но я пошел в мили-

цию, чтобы перебиться как-то, и остался. А мой поделщик механик остался на берегу навсегда, но ему и не обещали взять обратно. Так что он действительно пострадал – а еще его морская оса на пляже укусила.

– Кто? – удивилась Лена. – Никогда про такую не слышала.

– Это такая маленькая медуза. Еще ее называют «демоном мелководья». Укус бывает смертельным – раз, и все: внезапная остановка сердца, а противоядия никакого нет. Мой друг механик очень страдал, но коллектив ему помог – точнее, наша буфетчица. Она постоянно смазывала укушенное место уксусом. И это спасло ему жизнь. Но он все равно женился на другой. А когда его спасли на берег, от него ушла первая жена, потому что у нее были свои планы на его постоянное долгое отсутствие.

– Но контрабанда как-то окупил его страдания?

– Не знаю, но мы сказочно разбогатели. Привезли большую партию – по сто штук каждый самых современных на тот момент смартфонов, которые взяли на рынке в Сингапуре у китайца по удивительно низкой цене и продали перекупщику из Москвы за бешеные деньги. Потом этот перекупщик, по слухам, стал олигархом и переехал в Лондон, где отрастил бороду и открыл ресторан. А я хотел купить квартиру, потому что мы с первой женой жили с моей мамой, но жена сказала, что она не хочет жить не только с моей мамой, но и со мной. И вообще это выяснилось как-то неожиданно. Наш контейнеровоз прибыл не в родной порт, а в Калинин-

град, и оттуда я прилетел домой на самолете на двое суток раньше, чем она планировала меня увидеть. Дома ее не застал. Она потом сказала, что ночевала у подружки... И все подружки это подтвердили.

– Детей у вас не было?

– Нет. Хотя я потому и женился, что она мне предъявила справку о беременности. Потом доказывала, что врачи ошиблись. Прожили мы почти два года, которые я провел в морях, читая умные книги. На нашем судне была библиотека: капитан приказал экипажу приносить свои любимые книги на борт, чтобы к мудрости человечества приобщались все. Книги в основном были детективные. Но когда-то на нашем судне ходил студент-заочник с философского, подаривший экипажу много книг с библиотечными штампами, поэтому я смог ознакомиться с философией Упанишад – это древнеиндийские трактаты священного писания шрути. Также я проштудировал «Закат Европы» Шпенглера. А «Заратустра» – теперь вообще моя любимая книга, кроме того, я постиг законы формальной логики, которые просто необходимо знать каждому оперу и особенно следователю: закон тождества, закон противоречия, закон исключенного третьего, закон достаточного основания, а еще есть замечательное правило экспликации...

Гончаров замолчал и посмотрел на спутницу:

– Простите, утомил вас, наверное.

– Вовсе нет, – затрясла головой девушкой. – Я никак не

ожидала, что вы такой образованный...

Она замолчала и отвернулась.

– Понятно, чего еще от ментов ожидать, – не обиделся Гончаров. – Менты только и знают, что громко кричать: «Всем лежать! Руки за голову! Ноги врозь!»

– Мы пришли, – вздохнула Лена. – Как-то не хочется расставаться.

– Тогда пойдем провожать меня, – предложил Игорь, – тут совсем недалеко... к сожалению.

Очень скоро они подошли к его дому, и Гончаров предупредил, что он только занесет домой продукты и тут же спустится.

– Проводим вас еще разик, – сказал он, – а потом можно поужинать в каком-нибудь кафе.

– Зачем нам кафе, – остановила его девушка. – Вы же купили макароны, сосиски и еще что-то, у меня овощи, фрукты. Можем подняться к вам, и я приготовлю ужин.

– Правда? – обрадовался Игорь. – Вы будете готовить, а я сбегая за вином. Вы какое предпочитаете?

– Крепче сухого ничего не пью. И почему мы друг другу выкаем? Ведь мы давно уже на «ты».

– Да, – согласился Гончаров, хотя знакомы они были не так уж давно.

Он вернулся из магазина, притащив бутылку кахетинского цинандали и нарезку сыров. Гостя хозяйничала на кухне.

– Я на скорую руку, – сказала она. – Приготовила овощной салатик и макароны под соусом «карузо» – это когда мелко нарезанный лук и колбаса обжариваются, а потом заливаются томатным соусом и добавляются специи. А еще я нашла у вас в холодильнике банку оливок.

– Да-а, – вспомнил Гончаров, – оливки ведь не просто так. Сбежавшая от меня в теплые края жена покупала для себя вино, которое почему-то хранила в гардеробной, словно от меня прятала, а вот оливки ставила в холодильник, потому что я к ним равнодушен.

Он отправился в гардеробную и нашел вставленную в голенище зимнего женского сапога бутылку вина, принес ее на кухню. Очевидно, эти сапоги вышли из моды и подходили лишь для того, чтобы в них прятать от мужа бутылки с вином. А может, жена уехала в те края, где зимы не бывает вообще и теплые сапоги на меху не нужны.

– Понятно, почему она прятала это вино, – рассмеялась гостья, увидев бутылку. – Это бароло – достаточно дорогое: в наших магазинах тысяч пять стоит.

– Дороже коньяка? – не поверил Игорь.

– Ну, коньяки ведь тоже разные бывают.

Они сидели за столом и уже выпили вина, когда Игорь спросил:

– Лена, ты ведь хотела со мной о чем-то поговорить?

Девушка кивнула, задумалась, вздохнула.

– Хотела поговорить и попросить об одном одолжении. Еще в магазине решила, но потом увидела, как кассирша на вас... то есть на тебя наехала со своей просьбой, и решила... в общем, ничего мне от тебя не надо.

– Очень жаль, – вздохнул Гончаров, – я бы с таким удовольствием что-нибудь для тебя сделал, что-нибудь... какой-нибудь подвиг совершил бы.

– Ну вот, ты уже смеешься, тогда я тем более ничего рассказывать не буду...

– А как ты оказалась в Италии?

– К сестре в гости приезжаю иногда: она там живет. Муж у нее русский, занимается бизнесом, но считает, что им там лучше. Вообще-то ее муж сначала был моим ухажером, но я познакомила его с сестрой, и он переметнулся к ней.

– Такое, оказывается, не только в кино бывает.

– А он и в самом деле киношный персонаж – нечто среднее между Шуриком и Джеком Воробьем – интеллигентный, но взбалмошный очкарик. Умный, образованный и очень, очень энергичный авантюрист. Он ухаживал за мной, переключился на сестру, которая младше меня на три с половиной года, сразу сказал мне об этом. Только потом я поняла, что он ухаживал не за мной и не за сестрой, а подбирался к моему отцу, у которого тогда бизнес шел в гору. Мой ухажер понял, что младшую сестру отец любит больше. Мы же с ней сестры по отцу, а мамы у нас разные. Моя мама сильно болела и вдруг узнала, что у отца есть любовница, а у той дочь

от него. Мама подала на развод, отец не спорил... Некоторое время мы с ней жили вдвоем, потом перебрались к Владимиру Петровичу Дроздову, который был маминым научным руководителем в Промтехе...

– Где? – не понял Гончаров.

– В Академии промышленных технологий, которую сам же Дроздов и создавал на базе разрушенного завода-ВТУЗа.

– Что такое завод-ВТУЗ?

– В советские времена была такая форма обучения, совмещенная с работой на производстве. Полгода студенты сидели в аудиториях, а полгода осваивали рабочие профессии, а также специальности диспетчеров, мастеров. Советский Союз исчез, и завод-ВТУЗ стал никому не нужен. Здания выставили на торги. Дроздов каким-то образом сделал так, что серьезные покупатели в тендере не участвовали. И победила фирма моего отца. Дроздов стал ректором... Нашел деньги на восстановление зданий и аудиторий. Даже ПТУ, которое было при заводе, тоже восстановил. Только его называли лицеем для особо одаренных детей.

– Ты говорила, что преподаешь там.

– Я была заместителем директора лицея по учебной работе.

– А теперь? – спросил Гончаров.

Лена махнула рукой и попыталась сменить тему:

– Ты же про Италию что-то спрашивал?

– Я? – удивился Игорь, которого Италия не интересовал

вовсе. – На самом деле я про тебя хочу узнать как можно больше. Какие у тебя отношения с сестрой, например. Судя по тому, что ты бываешь у нее, вы дружите.

– Очень даже. После смерти мамы папа забрал меня от Владимира Петровича, и я стала жить у них. Его новая жена относилась ко мне как к родной, сестра за мной вообще бегала хвостиком. Она меня называла бабочкой.

– А почему бабочкой?

– На самом деле меня так назвал Дроздов. Не просто бабочкой, а стальной черной бабочкой. На школьном новогоднем празднике несколько девочек из моего первого класса должны были танцевать танец бабочек. Все классы изображали разные времена года – нашему досталось лето. Вот я и попала в бабочки. Те должны были быть разного цвета. Розовая, красная, голубая, зеленая. Я стала черной. У меня были огромные крылья с блестками и какой-то рисунок на спине, тоже блестящий. Мне казалось, что я самая красивая бабочка на свете. На сцене стояли декорации с огромными нарисованными цветами, еще там были разноцветные домики, изготовленные из картонных коробок, в которых продают стиральные машины и холодильники, и мы летали над всей этой красотой. То есть как летали – мы порхали над сценой, у каждой был карабинчик на спине, к которому был прикреплен тросик, и папы, стоящие за нарисованными цветами и домиками, нас удерживали в воздухе. Я была самой маленькой девочкой в классе, но тросик почему-то лопнул именно у меня.

Оборвался, когда я взлетела выше всех и засмеялась от счастья. Меня поднял так высоко именно Владимир Петрович, потому что папа уже жил с другой семьей. Я засмеялась и рухнула на красивый пряничный домик, который развалился и сплющился. Весь зал ахнул, а я поднялась и произнесла с печалью: «Ну вот, долеталась. Наверное, уже осень». Я сама помню смутно, но мне столько раз говорили это потом, что теперь я будто даже слышу интонацию, с которой произнесла свой экспромт. Зато хорошо помню гипс – вернее, гипсовую повязку: у меня оказалась сломанной рука. Но все равно врачиха сказала, что я не простая бабочка, а стальная. Я спорить не стала, потому что и тросик меня не выдержал, и красивый домик – в лепешку.

– Высоко было падать?

– Нет – метра три, вероятно. Я даже испугаться не успела. Зато Владимир Петрович едва ли не плакал. Я его успокаивала. Маленькая девочка уговаривала солидного человека не переживать и не принимать все близко к сердцу. Я его тоже любила. Да и сейчас люблю. А потом ровно через год – как раз перед следующим новогодним представлением умерла мама, и папа меня забрал обратно в свою новую скамью. До этого мама меня не отдавала, а Настю не забирала, потому что болела уже сильно. Но Владимир Петрович бывал у нас постоянно, привозил подарки мне и Насте.

– Где он сейчас? – поинтересовался Игорь.

Лена как-то странно дернула плечом и ответила, глядя в

сторону:

– В тюрьме.

– Как? – не понял Гончаров.

– Его взяли в аэропорту. Он собирался лететь отдыхать в Болгарию. Прямо к трапу подошли и сказали, что к нему есть несколько вопросов. Отвели в сторону, надели на пожилого человека наручники и этапировали в Омск. Как выяснилось, директор местного филиала Промтеха попала на хищениях и взятках... Сумма хищений не такая уж значительная – два миллиона рублей. Но вот эта дамочка не нашла ничего лучшего, как сказать, что все эти деньги она отдала ректору Дроздову. А он уже четыре года как не ректор и эту даму, вполне вероятно, в глаза не видел, но почему-то ей поверили и выслали за ним своих оперов.

– Похоже на заказ, – оценил ситуацию Гончаров, – кому-то он перешел дорогу.

– Кому мог перейти дорогу старый, больной человек? Пенсионер к тому же. Ему почти семьдесят пять, у него больной позвоночник, и он ходит в корсете. Он гипертоник, и у него сахарный диабет. Кроме того, он имеет государственные награды, а при их наличии ведь не сажают. Если только под домашний арест. Правда?

Она заглянула в его глаза, и Гончаров кивнул:

– Домашний арест – это предел, да и то лишь за серьезные преступления, а с него должны были взять только подписку о невыезде.

– Адвокат то же самое говорил. Я наняла адвоката, и мы с ним летали в Омск. Там нам сказали, что Владимир Петрович сидит в СИЗО, потому что уже пытался скрыться от следствия за границей. Я попросила о встрече с ним, но мне отказали, потому что я не родственница. И адвоката Владимир Петрович не захотел видеть, потому что не считает себя виновным и отказался давать показания следователю. Следователя он вообще видел всего один раз, когда его доставили в Омск, а потом к нему никто уже не приходил... Я передала ему письмо, но он не ответил. Адвокат выяснил, что сидит он в общей камере – в смысле с обычными уголовниками, не с коммерсантами или с чиновниками, а с теми, кто совершал преступления против личности...

– Давно уже сидит?

– Чуть больше года. За это время дама, давшая против него показания, получила два года условно и вернулась в филиал, но не директором, а проректором по учебной работе. Ей назначили штраф в миллион рублей, она подала апелляцию, и размер штрафа снизили до двухсот тысяч – то есть до ее месячного оклада. А Владимир Петрович продолжает сидеть в тюрьме.

– Почему ты сразу об этом не сказала? Ведь мы знакомы уже долгое время.

– Неудобно было. Но потом я подумала, что, возможно, мы не просто так познакомились. Но все равно говорить об этом не смогла... Все-таки у тебя жена, она могла неправиль-

но истолковать... А потом тебя показали по телевизору, и я решилась... И тут же встречаю тебя в магазине...

– Случайных встреч не бывает, – напомнил Гончаров.

– Я тоже об этом думала.

– Тем более с черными стальными бабочками, – пошутил Игорь. – Я вдруг вспомнил, что есть очень редкая аквариумная рыбка, которая так и называется рыбка-бабочка, выкованная из стали.

– Я не рыбка, – прошептала девушка.

– Таких, как ты, вообще нет...

Гончаров встал из-за стола, подошел к гостье, наклонился, коснулся рукой ее тонкой талии, то ли обнимая, то ли пытаясь приподнять, но Лена тут же сама поднялась и положила руки на его плечи.

– А кассирша – очень умная и наблюдательная, – шепнул Игорь. – Только взглянула на меня и сразу выложила то, что я сам никогда не решился бы тебе сказать.

Глава четвертая

Он зашел в кабинет начальника РУВД, не постучав в дверь, и успел заметить, как Алексей Иванович что-то прячет в ящике стола. Жаворонков выпрямился, увидел своего нового заместителя и вздохнул облегченно:

– Фу ты! Напугал.

– А вам-то чего бояться?

– Привычка, – объяснил начальник РУВД, – условный рефлекс, так сказать, выработанный за четверть века семейной жизни. А вообще есть повод, и даже очень грустный: Колотовкин умер – только что мне сообщили. – Алексей Иванович наклонился и все-таки достал из стола бутылку коньяка и произнес негромко: – Тут еще осталось по пятьдесят капель. Это тот же самый коньяк, что мы выпивали за твое новое назначение. Так что не думай: я – не алкаш. Просто когда приходит мысль хлопнуть рюмашку, тут же появляешься ты.

Гончаров присел к столу, наблюдал, как начальник разливает коньяк, вытряхивая последние капли в стоящую перед ним рюмку.

– Вот так получается, что жил человек и теперь нет его, – вздохнул начальник РУВД. – И ведь Колотовкин ненамного был старше меня. Говорят, его сестра накануне целый день не могла до него дозвониться. Сегодня с утра пораньше пришла, а он в постели мертвый: еще вчера, стало быть, умер...

И сразу в кадры позвонила, чтобы помогли с похоронами.

– А он один жил?

Алексей Иванович кивнул:

– Один как перст. Он ведь овдовел, когда ему сорок с небольшим было. Как тебе сейчас. Потом познакомился с молоденькой курсанткой: она в школе милиции обучалась, а он там что-то вел. На двадцать лет ее был старше. Я видел ее пару раз. Как бы выразиться помягче? Попрыгушка, одним словом. И вот как-то на День милиции решило управление закатить банкет. Колотовкину к тому моменту уже лет пятьдесят с лишком было. Мог бы на пенсию уйти, но он чего-то высиживал: думаю, у него была договоренность – ждал, что его поставят замом начальника ГУВД, потом присвоят генерала, и он сразу уйдет на генеральскую пенсию и в крупную компанию замом по безопасности... Но это, само собой, мои домыслы, основанные на личных наблюдениях. Так вот, на том самом банкете его женушка, подвыпив, стала приглашать всех мужчин на танцы. То на одном повиснет, то на другом. А потом вдруг пропала. Колотовкин смотрит направо-налево, туда-сюда: нет жены. Ну и отправился на розыски: он же как-никак сыскарь. И обнаружил ее в подсобном помещении с неким молодым подполковником. Короче, слово за слово, и случилась между ними рукопашная схватка, и в эпической битве поколений победила молодость. Корень был неплохим рукопашником – ты знаешь это. Утром все управление уже гудело и стояло на ушах, как говорится.

Начальник управления вызвал к себе Колотовкина для разбирательства. Несчастный Василий Иванович явился в высокий кабинет с фонарем под глазом, с объяснительной запиской и с рапортом на молодого подполковника, который, по его словам, морально разложился... Однако наш генерал слушать его не стал, а просто предложил уйти с глаз подальше в какой-нибудь райотдел, а потом и на пенсию без фанфар. Так Колотовкин к нам и попал, и прослужил еще тихой сапой достаточной долго, а тот подполковник теперь...

– Витя Корнеев теперь генерал-лейтенант полиции и начальник управления в министерстве.

– Вот, – вздохнул Жаворонков, – а когда-то ты, Игореша, с ним в одном кабинете сидел, водку с ним вдвоем хлебали, а теперь он не только тебя на улице, если встретит, не узнает, он и мне руки не подаст. Ну, ладно, забыли про него. Давай за раба Божьего Василия Ивановича Колотовкина. Мир праху, земля пухом и царствия небесного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.